

КЛАССИКА ДЕТЕКТИВА

БК

Морис
Леблан

ОСТРОВ
ТРИДЦАТИ
ГРОБОВ

« А З Б У К А »

Арсен Люпен

Морис Леблан

Остров Тридцати Гробов

«Азбука»

1919

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леблан М.

Остров Тридцати Гробов / М. Леблан — «Азбука»,
1919 — (Арсен Люпен)

ISBN 978-5-389-33949-1

Книги французского писателя Мориса Леблана о приключениях Арсена Люпена раскупались при жизни автора огромными тиражами, превышающими тиражи книг самого Конан Дойла. Арсен Люпен – великий искатель приключений, король воров, человек с тысячью обличий. Совершая изощренные кражи, успешно уходя от возмездия, Люпен скопил колоссальное богатство, позволившее ему оставить карьеру преступника и встать на путь добродетели, верша правосудие и спасая жизни там, где бессилён закон. Однако знаменитый аферист не забыл свои старые привычки и его методы все так же удивительны и непредсказуемы... «Остров Тридцати Гробов» – известный, леденящий кровь мистический роман о приключениях Арсена Люпена.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-33949-1

© Леблан М., 1919
© Азбука, 1919

Содержание

Глава первая	9
Глава вторая	17
Глава третья	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Морис Леблан

Остров Тридцати Гробов

Maurice Leblanc

L'ÎLE AUX TRENTE CERCUEILS

© И. Г. Русецкий (наследник), перевод, 2026

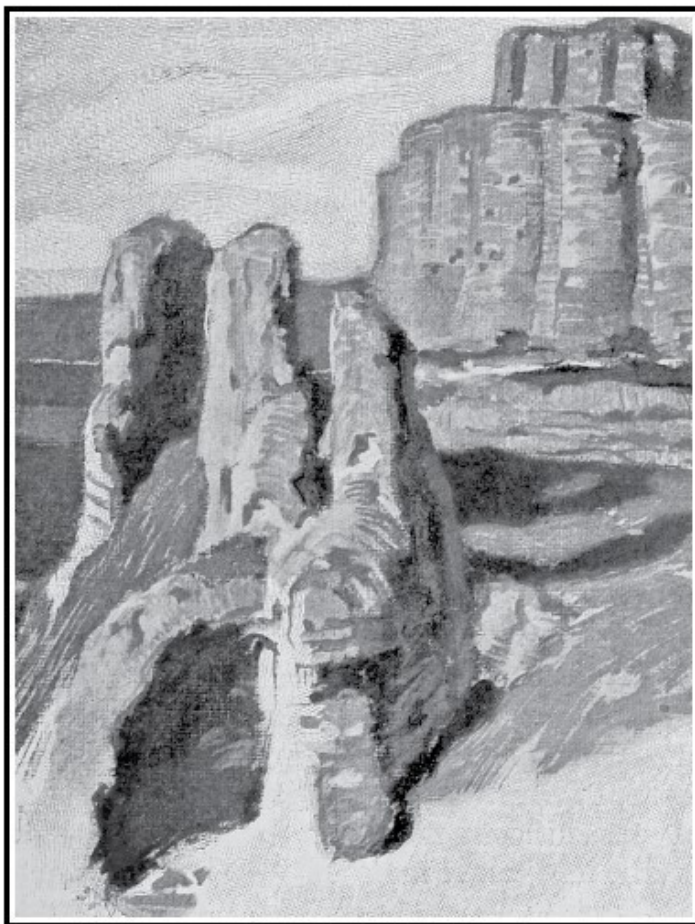
© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательство АЗБУКА», 2026

Издательство Азбука®

* * *

Минувшая война вызвала столько потрясений, что мало кто теперь помнит о разразившемся более десяти лет назад скандале с д'Эржемоном.

Напомним вкратце его суть.

В июне 1902 года господин Антуан д'Эржемон, известный исследователь мегалитических сооружений Бретани, прогуливаясь с дочерью Вероникой в Булонском лесу, подвергся нападению четверых неизвестных, которые сбили его с ног ударом палки по голове.

После короткой отчаянной борьбы дочь господина д'Эржемона, известная в кругу друзей как Прекрасная Вероника, была схвачена и брошена в автомобиль, который, по рассказу свидетелей этой очень недолгой сцены, уехал в сторону Сен-Клу.

На первый взгляд – обычное похищение. Однако на следующий день стали известны истинные обстоятельства дела. Граф Алексис Ворский, молодой польский дворянин, известный своей скверной репутацией и большим самомнением и утверждавший, что в его жилах течет королевская кровь, был влюблен в Веронику д'Эржемон, причем та отвечала ему взаимностью. Однако, поскольку отец девушки слышать о нем не хотел и даже неоднократно наносил ему оскорбления, граф решил похитить Веронику, о чем она, впрочем, и не подозревала.

Антуан д'Эржемон, который был – и кое-какие ставшие достоянием гласности письма свидетельствуют об этом – нелюдим и вспыльчив и из-за своей взбалмошности, отчаянного эгоизма и гнусной скаредности сделал несчастной собственную дочь, публично поклялся жестоко отомстить молодым людям.

Однако же он дал согласие на их брак, и через два месяца молодые люди обвенчались в Ницце. Но на следующий год разразился новый скандал. Непримируемый в сжигавшей его

ненависти, господин д'Эржемон, в свою очередь, похитил ребенка, родившегося у Вероники от Ворского, и в Вильфранше вышел вместе с ним в море на только что купленной небольшой яхте.

Разразился шторм. Вблизи от итальянского берега яхта пошла ко дну. Находившиеся на ней четверо матросов были подобраны оказавшимся поблизости судном. По их словам, господин д'Эржемон и ребенок погибли в пучине.

Узнав об их смерти, Вероника д'Эржемон удалилась в монастырь кармелиток.

Таковы факты. Четырнадцать лет спустя они стали причиной целого ряда событий – жутких, невероятных, но вполне реальных, – иные подробности которых казались на первый взгляд просто фантастическими. Однако война внесла в жизнь людей такую смуту, что даже то, чего она непосредственно не коснулась, – как, например, история, изложенная на этих страницах, – приобрело под ее влиянием черты чего-то искаженного, алогичного, а порой и сверхъестественного. И только яркий свет истины, на самом деле не такой уж и непостижимой, поможет этим событиям вернуться в мир реального.

Глава первая

Заброшенная хижина

Однажды майским утром в живописную деревушку Фауэт, расположенную в самом сердце Бретани, въехал экипаж, в котором сидела дама, чье просторное серое платье и густая вуаль не могли скрыть изумительной красоты и изящества их обладательницы.

Позавтракав на скорую руку на постоялом дворе, дама попросила хозяина присмотреть за ее чемоданом, задала несколько вопросов относительно окрестностей и, пройдя деревню насквозь, оказалась в полях.

Почти сразу же ее взору открылись две дороги: одна на Кемперле, другая – на Кемпер. Выбрав последнюю, она спустилась в ложбину, поднялась наверх и справа от себя увидела проселочную дорогу, подле которой стоял указатель с надписью: «Локриф, 3 км».

– Кажется, сюда, – пробормотала дама.

Однако, окинув взглядом окрестности, она удивилась, не найдя того, что искала. Быть может, она неправильно поняла данные ей инструкции?

Вокруг ни души – лишь бретонские луга, окаймленные на горизонте деревьями и холмами. Неподалеку от деревни среди молодой весенней зелени виднелся серый фасад небольшого замка, все окна которого были закрыты ставнями. Настал полдень; в воздухе разнеслось гудение колоколов, созывавших людей к молитве. И снова тишина и покой.

Усевшись на склоне поросшего молодой травкой холма, дама извлекла из кармана конверт и достала оттуда несколько листов.

На первом из них сверху стоял следующий штамп:

Агентство Дютрейи.

Консультации.

Конфиденциальные расследования.

Тайна гарантируется.

Ниже стоял адрес:

Безансон. Дамские моды. Госпоже Веронике.

Она принялась читать:

Сударыня,

Вы не поверите, с какой радостью исполнил я двойное поручение, которое Вы сообразовали дать мне в этом месяце, то есть в мае 1917 года. Мне никогда не забыть обстоятельства, при которых четырнадцать лет назад я смог оказать Вам действенную помощь, когда ряд столь горестных событий омрачил Ваше существование. Ведь я сумел тогда собрать все доказательства гибели Вашего почтенного батюшки господина Антуана д'Эржемона и любимого сына Франсуа – это была первая победа в моей карьере, повлекшая за собою другие, не менее блестящие успехи.

Не забывайте также, что именно я, увидев, насколько будет для Вас полезно избавиться от ненависти и, скажем так, любви Вашего мужа, предпринял по Вашей просьбе необходимые шаги для того, чтобы Вы смогли попасть в монастырь кармелиток. Когда же, находясь в монастыре, Вы поняли, что посвятить свою жизнь религии противно Вашей натуре, именно я подыскал для Вас скромное ателье мод в Безансоне – городе, удаленном от мест, где протекли годы Вашего детства и недели Вашего замужества. Вы испытывали потребность в труде, чтобы иметь возможность жить и не думать ни о чем. В этом Вы должны были преуспеть – и преуспели.

Теперь давайте перейдем к вопросам... двум вопросам, которые нас занимают.

Вопрос первый. Что произошло за эти бурные годы с Вашим мужем господином Ворским – поляком по рождению и документам и сыном короля, по его собственному утверждению? Я буду краток. Брошенный в самом начале войны как подозрительная личность в концентрационный лагерь близ Карпантра, господин Ворский сбежал оттуда в Швейцарию, а по возвращении во Францию был арестован, обвинен в шпионаже и изобличен в том, что является немцем. Его неминуемо ждала смертная казнь, но он снова бежал, скрывался в лесу Фонтенбло и в конце концов был убит ударом ножа, причем кто это сделал – неизвестно.

Я рассказываю Вам все это без обиняков, сударыня, потому что знаю, какое презрение питаете Вы к этому так подло предавшему Вас субъекту, и понимаю, что хотя многое Вам известно из газет, но проверить эти сведения у Вас не было возможности.

Итак, доказательства существуют. Я их видел. Сомнений больше нет: Алексис Ворский похоронен в Фонтенбло.

Мимоходом позволю себе обратить Ваше внимание, сударыня, на кое-какие странные обстоятельства, связанные с его смертью. Вспомните загадочное пророчество, о котором Вы мне рассказывали и которое касалось господина Ворского. Страдавший галлюцинациями и кошмарами господин Ворский, чей несомненный ум и редкая энергия весьма проигрывали от его приверженности ко всякого рода предрассудкам, находился под сильным впечатлением этого предсказания, которое камнем висело над его жизнью и было сделано несколькими особами, сведущими в оккультных науках: «Ворский, сын короля, ты погибнешь от руки друга, а жена твоя умрет на кресте». Я написал эти последние слова, сударыня, и рассмеялся. Умрет на кресте! Такая казнь несколько вышла из моды, поэтому на Ваш счет я спокоен. Но что Вы скажете об ударе ножом, полученном господином Ворским в полном соответствии с таинственной волею судьбы?

Впрочем, довольно умствований. Теперь речь пойдет...

Вероника уронила руку с письмом на колени. Вычурный слог и фамильярные шуточки господина Дютрейи ранили чувствительную натуру женщины, а трагический образ Ворского неотвязно ее преследовал. При страшных воспоминаниях об этом человеке дрожь ужаса пробежала по ее телу. Но она овладела собой и продолжила читать:

Теперь речь пойдет, сударыня, о втором данном Вами поручении, наиболее важном для Вас, поскольку все остальное относится уже к прошлому.

Уточним факты. Три недели назад, в четверг вечером, когда Вы сочли возможным нарушить привычное однообразие своего существования и повели своих работников в кинематограф, Вас поразило нечто не поддающееся объяснению. В главном фильме сеанса, носившем название «Бретонская легенда» и посвященном путешествиям, была сцена, которая происходила у дороги, подле заброшенной хижины, не имевшей, впрочем, никакого отношения к действию. В кадре она оказалась, по-видимому, совершенно случайно. Однако Ваше внимание привлекло нечто непонятное. На просмоленных досках ветхой двери хижины Вы заметили начертанные от руки три буквы: «В. д'Э.», представлявшие собою не что иное, как Вашу подпись, которой Вы пользовались, только будучи молоденькой девушкой, в личных письмах и к которой Вы не прибегли ни разу за последние четырнадцать лет. Вероника д'Эржемон! Ошибка исключена. Две прописные буквы, а между ними – строчное «д» с апострофом. Более того, росчерк в подписи был сделан в виде перекладки буквы «Э», загнутой и проведенной под всеми тремя буквами – точно так же, как делали когда-то Вы.

Вы, сударыня, были столь ошеломлены этим удивительным совпадением, что решили прибегнуть к моей помощи. Она была обещана Вам заранее. И Вы заранее были уверены, что она окажется действенной.

Как Вы и предполагали, сударыня, я справился с заданием.

По обыкновению, снова буду краток.

Сударыня, садитесь на вечерний парижский скорый поезд и на следующее утро выходите в Кемперле. Оттуда следуйте экипажем до Фауэта. Если у Вас будет время, то до или после завтрака осмотрите весьма любопытную часовню Святой Варвары, расположенную в очень причудливом месте, которое и послужило толчком для создания фильма «Бретонская легенда». Затем отправляйтесь пешком по дороге на Кемпер. В конце первого взгорья, чуть дальше проселочной дороги, ведущей в Локриф, и стоит в полукруге деревьев заброшенная хижина с интересующей Вас надписью. Больше ничего особенного в ней нет. Внутри пусто, отсутствует даже пол. Вместо скамейки – гнилая доска. Крыши нет – одни трухлявые стропила, пропускающие дождь. Повторяю еще раз: в поле зрения кинематографической камеры хижина эта попала совершенно случайно, тут сомневаться не приходится. В заключение добавлю, что фильм «Бретонская легенда» снимался в прошлом сентябре, стало быть, надпись сделана по крайней мере восемь месяцев назад.

*Вот и все, сударыня. Моя двойная миссия выполнена. Я слишком скромна, чтобы пове-
дать, ценою каких усилий и с помощью каких хитроумных средств мне удалось разузнать все
за столь короткий срок, иначе Вы нашли бы несколько смехотворной сумму в пятьсот фран-
ков, которой я ограничился в качестве платы за свои труды.*

Благоволите принять...

Вероника сложила письмо и на несколько минут предалась навеянными им чувствам, мучительным, как и все, что воскрешало ужасные дни ее замужества. Одно из них было осо- бенно сильным и ярким – почти таким же, как в те часы, когда она, чтобы от него избавиться, скрылась под сенью монастыря. Это было даже не чувство, а скорее уверенность в том, что истоки всех ее бед, гибель отца и сына – в трагической ошибке, которую она совершила, полюбив Ворского. Конечно, она сопротивлялась любви этого человека и решила на брак от безыс- ходности и отчаяния, чтобы защитить господина д'Эржемона от мести Ворского. И все равно она его полюбила. Все равно она поначалу замирала и бледнела под его взором, и за это, как ей теперь казалось, непростительное малодушие ее терзали угрызения совести, которых не могло ослабить даже время.

– Пора идти, – прошептала она. – Довольно бредней! Я приехала сюда не затем, чтобы плакать.

Жажда истины, прогнавшая ее из тихого Безансона, придала ей сил, и она встала, полная решимости действовать.

«Чуть дальше проселочной дороги, ведущей в Локриф... в полукруге деревьев...» – говорилось в письме господина Дютрейи. Выходит, она прошла мимо. Она поспешно верну- лась назад и сразу же заметила видневшуюся справа купу деревьев, которые закрывали от нее хижину. Подойдя поближе, она ее увидела.

Хижина представляла собою нечто вроде пристанища для пастуха или дорожного рабо- чего, которое под воздействием непогоды постепенно пришло в ветхость. Приблизившись, Вероника убедилась, что надпись по вине дождей и солнца стала гораздо менее четкой, чем в фильме. Впрочем, три буквы были еще различимы, росчерк – тоже, а под ними она разглядела то, чего не заметил господин Дютрейи: изображение стрелы и цифру 9.

Волнение Вероники усилилось. Хотя писавший даже не пытался подделать форму букв, это тем не менее была подпись, какой она пользовалась в юности. Кто же мог поставить ее здесь, на двери заброшенной хижины, в Бретани, куда она попала впервые в жизни?

У Вероники не было никого на всем белом свете. Обстоятельства сложились таким обра- зом, что юность ее, если можно так выразиться, разбила смерти всех тех, кого она любила и знала. Каким же образом воспоминание о ее подписи сохранилось за пределами круга близких ей людей – круга, которого больше не было? И почему она появилась здесь, именно в этом месте? Что все это могло означать?

Вероника обошла хижину. Ни на лачуге, ни на окружавших ее деревьях никаких других знаков не обнаружилось. Тут она вспомнила, что господин Дютрейи заглядывал внутрь, но ничего интересного там не заметил. Однако ей захотелось убедиться самой, что он не ошибся.

Дверь была заперта на обычную щеколду. Вероника ее откинула, но странное дело: непонятно почему ей потребовалось сделать некоторое усилие, причем душевное, а не физическое, пришлось напрячь волю, чтобы потянуть дверь к себе. Ей казалось, что, сделав это легкое дви- жение, она проникнет в мир вещей и событий, которых безотчетно страшилась.

– Да что со мной? – пробормотала Вероника. – Что мне мешает?

И с этими словами резко потянула дверь.

В ту же секунду у нее вырвался крик ужаса. В хижине находился труп мужчины. Едва его увидев, Вероника тут же обратила внимание на странное обстоятельство: у мертвеца не было кисти одной из рук.

Это был старик; борода с проседью лежала веером у него на груди, длинные седые волосы закрывали шею. Почерневшие губы и причудливый оттенок распухшего лица навели Веронику на мысль, что он, должно быть, отравлен, поскольку никаких ран на теле она не заметила, если не считать искащенной – судя по всему, несколько дней назад – руки. Одет он был так, как одеваются бретонские крестьяне, платье его выглядело опрятным, но сильно поношенным. Мертвец сидел на земле, опираясь головой о скамью и подвернув под себя ноги.

Все это Вероника отметила безотчетно и вспомнит позднее; сейчас же она стояла, уставившись в одну точку, вся дрожа и лепеча:

– Мертвец... Мертвец...

Внезапно ей пришло в голову: а вдруг она ошибается и человек еще жив? Она прикоснулась ко лбу старика и вздрогнула, ощутив под пальцами ледяную кожу.

Впрочем, этот жест помог Веронике выйти из оцепенения. Она решила действовать и, поскольку поблизости не было ни души, подумала, что ей придется вернуться в Фауэт и там сообщить властям о своей находке. Но прежде она принялась осматривать труп в надежде найти хоть что-нибудь, что помогло бы установить личность убитого.

Карманы оказались пустыми. Ни на одежде, ни на белье никаких меток не было. Однако, когда Вероника, продолжая поиски, немного сдвинула труп с места, голова старика упала на грудь и туловище склонилось к ногам, открыв тем самым ее взгляду пространство под скамьей.

Там она увидела какой-то комочек. Это был смятый, надорванный и скрученный листок рисовальной бумаги.

Вероника подняла его и принялась разворачивать. Но не успела она толком разглядеть листок, как руки ее задрожали и она воскликнула:

– О боже! Боже мой!

Со всею присущей ей силой воли она попыталась успокоиться, чтобы глаза снова обрели способность видеть, а мозг – мыслить.

Но выдержать ей удалось лишь несколько секунд. И за эти секунды, сквозь застилавший ей глаза все более плотный туман, она успела различить нарисованный красными чернилами рисунок, на котором были изображены четыре женщины, распятые на стволах деревьев.

Центральная же фигура рисунка, распятая женщина на переднем плане, – это была она, да, она сама, Вероника д'Эржемон! Под одеждой угадывалось напрягшееся тело, а лицо было искажено невыносимой мукой, но тем не менее сохраняло сходство с оригиналом.

Вдобавок ко всему на торчавшем над ее головой обручке дерева-распятия был по старинному обычаю нарисован картуш, на котором виднелась жирная надпись.

Три буквы с росчерком, три привычные ей с юности буквы: «В. д'Э.» – Вероника д'Эржемон!

Бедняжку с головы до ног пронизала судорога. Вероника вдруг выпрямилась, повернулась на каблуках и, выбравшись из хижины, без сознания упала на траву.

Вероника была женщиной рослой, крепкой, цветущей и очень уравновешенной; казалось, никакие испытания не могли повлиять на ее душевное и физическое здоровье. И только исключительные, непредвиденные обстоятельства, вроде описанных, в сочетании с усталостью от двух ночей, проведенных в поезде, способны были привести в столь плачевное состояние ее нервы и волю.

Впрочем, через несколько минут она вновь обрела четкость и ясность мысли.

Она встала, вернулась в хижину, подняла листок плотной бумаги и с невыразимой тревогой снова взглянула на него, – правда, на этот раз глаза ее были способны видеть, а мозг – размышлять.

Прежде всего Вероника разглядела подробности, которые поначалу показались ей мало важными или значения которых она не поняла. С левой стороны листа виднелась колонка

из пятнадцати убористых строк, но не написанных обычным почерком, а составленных из довольно бесформенных букв с одинаковыми вертикальными черточками.

Кое-где тем не менее можно было прочесть отдельные слова.

Вероника сумела разобрать: «Четыре женщины на четырех крестах», потом: «...тридцати гробах» и в конце последнюю строчку: «Тот Божий Камень – он дарует жизнь иль смерть».

Вся колонка с текстом была взята в рамку из двух линий, черной и красной, сверху помещалось – тоже красное – изображение двух серпов, соединенных веткой омелы, а снизу – контур гроба.

Правую часть листа, гораздо более важную, занимал рисунок, выполненный сангиной, что придавало всему листу, вместе с колонкой текста, вид страницы или, скорее, копии страницы из книги – какой-то большой книги со старинными иллюстрациями, сделанными в несколько примитивной манере, с полным пренебрежением всеми правилами.

Именно так и выглядел рисунок, изображавший четырех распятых женщин.

Три из четырех распятий уменьшались, уходя к горизонту; на голове у женщин, одетых в костюмы бретонков, были бретонские же чепцы, отличавшиеся, однако, особенностью, присущей только этой местности: каждый чепец был украшен черным бантом, повязанным на эльзасский манер. А в середине страницы находилось то ужасное, от чего Вероника никак не могла оторвать глаз. Это было главное распятие – ствол дерева с двумя коротко обрезанными нижними ветвями, вдоль которых вправо и влево были растянуты руки женщины.

Члены ее были не прибиты к дереву гвоздями, а привязаны веревкой, обмотанной вокруг тела – вплоть до бедер сомкнутых ног. На этой жертве был не бретонский костюм, а нечто вроде савана, ниспадавшего до земли и удлинявшего и без того худое, изможденное тело.

В выражении искаженного болью лица сочетались покорность, страдание и печальное изящество. Это было лицо двадцатилетней Вероники – оно хорошо ей запомнилось, когда в часы грусти она разглядывала в зеркале свои полные безысходности и слез глаза.

Ее густые волнистые волосы, так же как и в те годы, спускались до самого пояса.

А сверху виднелась надпись: «В. д'Э.».

Вероника долго размышляла, вглядываясь в свое прошлое и пытаясь отыскать загадочную связь между тем, что произошло, и воспоминаниями юности. Но в голове у нее ни разу не блеснул хотя бы слабый луч догадки. Прочитанные ею слова и увиденный рисунок были лишены для нее всякого смысла и никак не поддавались объяснению.

Снова и снова вглядывалась она в лист бумаги. Наконец, не переставая думать о нем, Вероника медленно разорвала его на мелкие клочки и развеяла их по ветру. Когда последний клочок скрылся из виду, решение уже было принято. Она отодвинула труп, закрыла дверь и поспешила в сторону деревни; пусть этим происшествием займутся власти – в данный момент это ее устраивало.

Однако, когда часом позже Вероника вернулась в сопровождении фауэтского мэра, жандарма и целой кучки зевак, привлеченных ее рассказом, лачуга оказалась пустой.

Мертвец исчез.

Все это было чрезвычайно странно. Понимая, что в своем смятении она не сумеет толком ответить на вопросы и рассеять подозрения и недоверчивость относительно правдивости ее рассказа, причины приезда в деревню и даже ясности ее рассудка, которые могли возникнуть и возникли, Вероника отказалась от дальнейших попыток что-либо доказать и вообще от борьбы. Хозяин постоянного двора был дома. Она спросила у него, до какой ближайшей деревни она сможет дойти по дороге, чтобы сесть там на поезд, следующий в Париж.

Запомнив два названия – Скаэр и Роспорден, она наняла экипаж, который должен был вместе с чемоданом нагнать ее по пути, и ушла, охраняемая от всяческих проявлений недоброжелательства своими элегантностью и спокойной красотой.

Вероника отправилась в путь, если можно так выразиться, наудачу. Дорога перед нею лежала длинная, растянувшаяся на многие лье. Но она так спешила разобраться со всеми этими необъяснимыми событиями и вернуть себе покой и забвение, что упрямо и стремительно шла вперед, даже не сообразив, что напрасно так утомляет себя, поскольку вслед за нею движется экипаж.

Она карабкалась на холмы, спускалась в ложбины и совершенно ни о чем не думала, отказавшись на время от поиска ответов на вставшие перед нею вопросы. На поверхность жизни всплывало ее прошлое, которое ее страшило, – начиная от момента похищения Ворским и кончая гибелью отца и ребенка...

Веронике хотелось поскорее вернуться к тому скромному существованию, которое она вела в Безансоне. В нем не было места ни печалям, ни мечтам, ни воспоминаниям, но вместе с тем Вероника не сомневалась, что и среди множества повседневных мелочей, составлявших ее тихую жизнь в выбранном ею ателье мод, она будет вспоминать и заброшенную хижину, и изуродованный труп старика, и страшный рисунок с таинственной надписью.

Немного не доходя до довольно большой деревни Скаэр и уже слыша позади бубенчик лошади, у перекрестка, от которого начиналась дорога на Роспорден, она увидела стену полуразвалившегося дома.

На ней мелом были нарисованы стрела и цифра 10, а над ними – роковая надпись: «В. д'Э.».

Глава вторая

На берегу океана

Состояние духа Вероники мгновенно переменилось. Насколько только что ей хотелось убежать от губительной угрозы, восставшей из глубины ее прошлого, настолько же теперь она была полна решимости пройти до конца открывшийся перед нею опасный путь.

Этот крутой поворот был вызван тем, что впереди в кромешной тьме внезапно замаячил тусклый огонек. Она вдруг поняла довольно простую вещь: стрела указывала направление, а номер 10 был десятым в ряде номеров, расставленных вдоль пути между двумя опорными точками.

Но что, если эти условные знаки предназначены для кого-то другого? Не важно. Главное, что они представляли собою нить, способную привести Веронику к разгадке занимавшей ее тайны: каким чудом ее юношеская роспись попала в самую середину узла трагических событий?

Посланный из Фауэта экипаж наконец ее нагнал. Она села в него и велела вознице ехать шагом по направлению к Роспордену.

Она добралась туда к обеду; ее предположения оказались верными. Дважды около перекрестков дорог она снова увидела свою подпись и цифры 11 и 12.

Переночевав в Роспордене, Вероника на следующий день возобновила поиски.

Номер 12, обнаруженный ею на стене кладбища, направил ее по дороге, ведущей в Конкарно. Она почти добралась до города, но никакого знака больше не встретила.

Решив, что сбилась с пути, Вероника вернулась назад и потратила целый день на бесплодные поиски.

Только на следующее утро полуистертый номер 13 указал ей путь на Фуэнан. После этого она, следуя условным знакам, не раз меняла направление, сворачивала на проселочные дороги, а один раз опять сбилась с пути.

Наконец, спустя четыре дня после отъезда из Фауэта, она оказалась на берегу океана, посреди громадной отмели, раскинувшейся подле деревни Бег-Мейль.

В этой деревушке она прожила два дня, но так и не получила ответа на свои осторожные расспросы. В конце концов, блуждая утром среди выступавших из воды скал, грядой выходивших на отмель, и по невысокому обрыву, поросшему по краям деревьями и кустами, Вероника обнаружила между двумя голыми дубами покрытый землей шалаш из веток, которым, по всей вероятности, пользовались таможенники. У входа в шалаш возвышался небольшой менгир¹. На нем она увидела все ту же надпись и номер 17.

Но никакой стрелы. Внизу стояла точка. И все.

В шалаше – три разбитые бутылки и пустые жестянки из-под консервов.

«Здесь, видимо, и находилась цель, – подумала Вероника. – Кто-то ел. Съестное, должно быть, припасли заранее».

В этот миг она заметила, что неподалеку, у берега небольшой округлой, словно раковина, бухточки, помещавшейся между скалами, покачивается моторная лодка.

Почти одновременно она услышала два голоса – мужской и женский, приближавшиеся со стороны деревни.

С того места, где находилась Вероника, ей не сразу удалось разглядеть пожилого мужчину, тащившего с полдюжины мешков с провизией – пирогами, сушеными овощами и прочим. Поставив их на землю, он спросил:

¹ Менгир – древний вертикально врытый в землю длинный камень. – Здесь и далее примеч. перев.

– Стало быть, хорошо съездили, госпожа Онорина?
– Прекрасно.
– А куда ж вы ездили?
– В Париж, куда ж еще! Меня не было целую неделю... Кое-что вот купила для хозяина.
– Небось довольны, что вернулись?
– Еще бы!
– Смотрите, госпожа Онорина, ваша лодка на том же месте. Я навещал ее каждый день. А сегодня утром снял брезент. Ну как, ходит она ничего?
– Отлично.
– Да, моряк из вас что надо. Ну кто бы мог подумать, госпожа Онорина, что вы научитесь управляться с моторкой?
– Это все война. Молодежь с острова разъехалась, остальные ловят рыбу. И потом, до войны-то раз в две недели к нам заходил пароход, а теперь и этого нет. Вот и приходится самой ездить за покупками.
– А как с керосином?
– У нас есть еще запас. Тут все в порядке.
– Ну ладно, счастливо. Я пошел, госпожа Онорина. Или помочь вам погрузить?
– Не стоит, вы же спешите.
– Ну счастливо, значит, пошел я, – повторил мужчина. – До следующего раза, госпожа Онорина. Я подготовлю пакеты заранее. – Отойдя на несколько шагов, он крикнул: – Поосторожней там у рифов, что окружают ваш чертов островок! Не зря у него такая слава. Просто так островом Тридцати Гробов его бы не назвали! Удачи, госпожа Онорина!

Он свернул за скалу и скрылся из виду.

Вероника вздрогнула. Тридцать гробов! Те же слова, что она прочла рядом с ужасным рисунком!

Вероника подалась вперед. Женщина подошла к лодке, погрузила в нее принесенную ею самой провизию и обернулась.

Теперь Вероника смогла толком ее разглядеть. На женщине были бретонский костюм и чепец, подвязанный черными бархатными лентами.

– Чепец как на рисунке, – пролепетала Вероника. – Как у трех распятых женщин!

Бретонке было лет сорок. Ее волевое, обожженное солнцем и морозом лицо было скуластым и грубым, однако его оживляли большие черные глаза, умные и добрые. На шее у женщины висела массивная золотая цепь. Грудь плотно облегал бархатный корсаж.

Женщина один за другим подносила пакеты, складывала их в лодку, для чего ей приходилось становиться коленями на камень, к которому та была причалена, и тихонько что-то напевала. Закончив погрузку, она взглянула на горизонт, затянутый черными тучами; это ее несколько не обескуражило. Она принялась отвязывать швартов, продолжая напевать, но уже громче, так что Вероника разобрала слова. С улыбкой, которая обнажала красивые белые зубы, женщина пела протяжную детскую колыбельную:

Мама девочку качала,
Ей тихонько напевала:
«Ты не плачь, моя родная, —
Огорчится Всеблагая.

Ей нужней всего на свете,
Чтобы радовались дети.
Помолись же, ангел мой,
Приснодеве Всеблагой».

Женщина внезапно умолкла: перед ней стояла Вероника с искаженным бледным лицом. Бретонка удивилась:

– Что такое?

Дрожащим голосом Вероника заговорила:

– Кто вас научил этой песне? Откуда вы ее знаете? Ее пела мне матушка. Это песня ее родины, Савойи. Я никогда ее больше не слышала после... после ее смерти. Я... Мне хотелось...

Вероника замолчала. Бретонка молча разглядывала ее с таким удивленным выражением, словно готова была вот-вот тоже о чем-то спросить.

Вероника повторила:

– Кто вас ей научил?

– Да кто-то здешний... – ответила наконец та, которую называли госпожой Онориной.

– Здешний?

– Да, кто-то с нашего острова.

Начиная что-то понимать, Вероника спросила:

– С острова Тридцати Гробов?

– Да, его тут так называют. На самом деле это остров Сарек.

Некоторое время женщины продолжали смотреть друг на друга. В их взглядах было недоверие, смешанное с сильным желанием поговорить и объясниться. Обе одновременно почувствовали, что они не враги.

Вероника начала первая:

– Прошу меня извинить, но, понимаете, со мной происходит нечто очень странное...

Бретонка ободрительно кивнула, и Вероника продолжила:

– Странное и вызывающее тревогу. Знаете, как я очутилась на этой отмели? Пожалуй, мне нужно вам все рассказать. Быть может, только вы и сумеете мне объяснить... Ну так вот, случайность, незначительная случайность... а ведь, в сущности, с нее-то все и началось... привела меня впервые в жизни в Бретань, где на двери старой заброшенной хижины, стоящей при дороге, я увидела свою подпись – так я расписывалась лет четырнадцать-пятнадцать назад, когда была молоденькой девушкой. Продолжая свой путь, я много раз натыкалась на подобную надпись, которая была снабжена порядковым номером, и таким вот образом попала сюда, на отмель, оказавшуюся конечной точкой маршрута, начертанного для меня не знаю кем.

– Так где-то здесь есть ваша подпись? – с живостью осведомилась Онорина. – И где же?

– На этом камне над нами, у входа в шалаш.

– Отсюда мне не видно. А что там за буквы?

– Вэ, дэ, э.

Бретонка едва удержала удивленный жест. На ее худом лице выразилось глубокое волнение, и она тихо проговорила:

– Вероника... Вероника д'Эржемон.

– Ах, так вы знаете мое имя? – воскликнула молодая женщина.

Онорина схватила ее за обе руки и крепко их пожала. Ее грубое лицо осветилось улыбкой, глаза наполнились слезами, она не переставая твердила:

– Мадемуазель Вероника... Госпожа Вероника – так это вы? Господи, неужто это возможно? Благая Дева Мария!

Сконфуженная Вероника бормотала:

– Вам известно мое имя... Вы знаете, кто я... Но тогда вы, вероятно, можете мне все объяснить?

После долгого молчания Онорина ответила:

– Ничего я не могу объяснить. Я понимаю не больше вашего. Но мы можем попытаться найти ответ вместе. Скажите-ка, как называлась та деревня в Бретани?

– Фауэт.

– Фауэт? Знаю. А где находится заброшенная хижина?

– В двух километрах оттуда.

– Вы в нее заглядывали?

– Да, и это-то самое страшное. В этой лачуге был...

– Говорите же! Кто там был?

– Сначала там был труп старика в деревенской одежде, с длинными седыми волосами и бородой... Ах, никогда я не забуду этого мертвеца! Его, кажется, убили... отравили... не знаю...

Онорина слушала жадно, однако весть о преступлении явно ни о чем ей не говорила. Она просто спросила:

– Кто это был? Расследование проводили?

– Когда я вернулась в хижину с властями из Фауэта, труп исчез.

– Исчез? И кто ж его забрал?

– Понятия не имею.

– Выходит, вы так ничего и не узнали?

– Ничего. Но когда я была в хижине в первый раз, я нашла там рисунок... Я его порвала, однако кошмарные воспоминания о нем не покидают меня. Мне их никак не прогнать. Послушайте, на этом листке бумаги было что-то вроде копии со старинного рисунка, на котором изображено нечто ужасное – четыре распятые женщины. И одна из них – я, там написано мое имя! А у других на голове чепцы, похожие на ваш.

Онорина всплеснула руками и громко воскликнула:

– Что?! Четыре распятые женщины?!

– Да, и там упоминалось о тридцати гробах, то есть о вашем острове.

Бретонка прикрыла ей рот ладонью:

– Молчите! Молчите! Об этом говорить нельзя. Нет, нет, ни в коем случае! Бывают дела от дьявола, говорить о них – святотатство! Давайте помолчим об этом. Потом, может через год, будет видно. Потом... потом...

Онорину всю трясло от ужаса, который охватил ее, подобно буре, клонящей долу дерева и крушащей все вокруг. Внезапно бретонка упала на колени, склонилась, обхватив голову руками, и принялась молиться. Молилась она долго и так сосредоточенно, что Вероника не осмелилась задавать ей какие-либо вопросы.

Наконец она поднялась и через несколько мгновений проговорила:

– Да, все это поистине ужасно, однако я считаю, что долг остается долгом и сомнениям не должно быть места. – Бретонка обернулась к молодой женщине и медленно продолжила: – Вы должны отправиться со мною туда.

– Туда? На ваш остров? – не скрывая страха, переспросила Вероника.

Онорина снова взяла ее за руки и проговорила тем несколько торжественным тоном, за которым, как казалось Веронике, скрывались тайные, невысказанные мысли:

– Значит, вас зовут Вероника д'Эржемон?

– Да.

– А как звали вашего отца?

– Антуан д'Эржемон.

– Вы были замужем за якобы поляком Ворским?

– Да, за Ворским.

– Вы вышли за него замуж после скандала с похищением и разрыва с вашим отцом?

– Да.

- У вас был ребенок от Ворского?
- Да, сын Франсуа.
- Которого вы, в сущности, не знали, поскольку его у вас похитил ваш отец?
- Да.
- И оба они, ваши отец и сын, пропали в кораблекрушении?
- Да, они погибли.
- Откуда вам это известно?

Веронике даже в голову не пришло удивиться этому вопросу, и она ответила:

– Выводы расследования, проводившегося по моей просьбе, и другого, которое проводила полиция, опирались на неопровержимые показания четверых матросов.

- Кто может поручиться за то, что они не лгали?
- А зачем им было лгать? – изумилась Вероника.
- Их могли подкупить и заранее научить нужным ответам.
- Кто?
- Ваш отец.
- Что за мысль?! Да и потом, мой отец мертв.
- Повторяю: откуда вам это известно?

На этот раз Вероника удивилась.

- К чему вы клоните? – прошептала она.
- Погодите. Вы знаете имена этих четверых матросов?
- Знала, но сейчас не помню.
- А вы не помните, у них были бретонские фамилии?
- Вроде да. Но я не понимаю...
- Вы-то до сих пор не бывали в Бретани, но ваш отец бывал, и часто; он собирал здесь

материалы для своих книг. Он приезжал сюда еще при жизни вашей матушки. И конечно, со многими тут перезнакомился. Предположим, что этих четверых матросов он давно знал и, пользуясь их преданностью или просто подкупив, нанял их специально для этого дела. Предположим, что сначала они доставили ваших отца и сына в какой-нибудь маленький итальянский порт, а потом, будучи хорошими пловцами, затопили яхту недалеко от берега. Предположим...

– Но ведь эти люди живы! – все более и более волнуясь, воскликнула Вероника. – Их ведь можно расспросить!

– Двое умерли несколько лет назад. Третий, по имени Магеннок, уже старик, живет на Сареке. Что до четвертого, то вы его, наверно, недавно видели. На деньги, заработанные на этом деле, он купил бакалею в Бег-Мейле.

– Значит, с ним можно поговорить тотчас же! – вся дрожа, воскликнула Вероника. – Пойдемте скорее к нему.

- Зачем? Я знаю обо всем этом больше его.
- Знаете? Вы знаете?!
- Мне известно все, чего не знаете вы. Я могу ответить на любой ваш вопрос. Спрашивайте.

Однако Вероника не осмелилась задать ей главный вопрос, который еще только зрел в глубинах ее сознания. Она боялась правды, в которой не было ничего невозможного и которую она уже начала предчувствовать; срывающимся голосом она пролепетала:

– Я не понимаю... Не понимаю... Почему мой отец так поступил? Почему он захотел, чтобы мое бедное дитя и его самого считали погибшими?

- Ваш отец поклялся отомстить...
- Ворскому, но не мне же – своей дочери? Да еще такой страшной мстью!

– Вы любили своего мужа. Попав в его власть, вы, вместо того чтобы убежать, согласились выйти за него замуж. Да и оскорбление было нанесено публично. А своего отца вы знаете – его необузданный нрав, злопамятность, его несколько... неуравновешенную натуру, как он сам выражался.

– Но потом-то?

– Потом? С годами возникли угрызения совести, появилась нежность к ребенку. Отец принялся вас разыскивать. Да уж, мне пришлось поездить! Начала я с монастыря кармелиток в Шартре. Но вы к тому времени уже давно его покинули... А куда, кстати, вы подались? Где вы жили?

– Но можно же было дать объявление в газеты?

– Один раз давали, но очень осторожно, опасаясь скандала. И на него ответили. Попросили о встрече. И знаете, кто пришел на эту встречу? Ворский, который тоже вас искал, который вас любил и ненавидел. Ваш отец испугался и действовать в открытую больше не решился. Вероника молчала. Обессилив, она села на камень и уронила голову на грудь.

Наконец она прошептала:

– Вы говорите о моем отце, словно он и теперь жив...

– Он жив.

– И словно вы часто с ним видите...

– Каждый день.

– А с другой стороны, – еще тише продолжила Вероника, – вы ни словом не упомянули о моем сыне. Мне в голову лезут страшные мысли. Быть может, его не удалось спасти? Или он умер потом? Вы поэтому ничего о нем не говорите?

Она с усилием подняла голову. Онорина улыбнулась.

– Ах, прошу вас, – взмолилась Вероника, – скажите мне правду! Это ужасно – надеяться, когда надежды уже нет. Умоляю...

Онорина обняла ее за плечи:

– Бедняжка вы моя, да разве я стала бы рассказывать вам все это, если б его не было в живых, моего милого Франсуа?

– Так он жив? Жив?! – теряя голову от радости, вскричала Вероника.

– Жив, черт возьми, и прекрасно себя чувствует! Этот крепыш очень прочно стоит на ногах. И я имею право им гордиться, потому что это я его вырастила, вашего Франсуа.

Почувствовав, что под действием сильных переживаний, в которых страданий и радости было поровну, Вероника начинает ей доверять, бретонка посоветовала:

– Поплачьте, моя милая, это пойдет вам на пользу. Лучше уж такие слезы, чем те, что вы проливали раньше, верно ведь? Поплачьте, и пусть все ваши прошлые несчастья останутся позади. А я возвращусь в деревню. У вас ведь на постоялом дворе чемодан? Там меня все знают. Я его принесу, и мы отправимся.

Когда полчаса спустя бретонка вернулась, Вероника вскочила и, делая ей рукой знак поспешить, закричала:

– Скорее! Боже, как долго вас не было! Нельзя терять ни минуты!

Онорина не ускорила шага и ничего не ответила. Улыбка более не освещала резкие черты ее лица.

– Ну что, едем? – подбегая к ней, спросила Вероника. – Все в порядке? Никаких препятствий? В чем дело? Мне кажется, вы стали какая-то другая.

– Да нет же, нет.

– Тогда поспешим.

С ее помощью Онорина погрузила в лодку чемоданы и мешки с провизией. Затем, внезапно повернувшись к Веронике, она спросила:

– Значит, вы уверены, что распятая женщина на рисунке – это вы?

– Совершенно. К тому же у нее над головой мои инициалы.
– Странно, – пробормотала бретонка. – Мне это не нравится.
– Почему? Кто-то, кто меня знал, решил позабавиться. Это просто совпадение, игра случая, воскресившая прошлое.

– О, меня беспокоит не прошлое, а будущее.
– Будущее?
– Вспомните-ка предсказание.
– Я вас не понимаю.
– Ну как же? Предсказание, сделанное Ворскому насчет вас.
– Так вы и о нем знаете?
– Знаю. И с тем бóльшим ужасом вспоминаю о рисунке и еще кое о чем, чего вы не знаете и что гораздо страшнее.

Вероника расхохоталась:

– Так вот почему вам так не хочется везти меня на остров! Ведь дело в этом, верно?
– Не смейтесь. При виде адского пламени смеяться нельзя.

Онорина проговорила эти слова, закрыв глаза и осенив себя крестным знаменем, а затем продолжила:

– Ну конечно! Вы смеетесь надо мной. Считаете, что я – суеверная бретонка, верящая в привидения и блуждающие огни. С этим я, в общем-то, не спорю. Но там... там есть такое, что может и ослепить вас! Поговорите об этом с Магенноком, если завоюете его доверие.

– С Магенноком?

– Да, это один из тех четверых матросов. Он старый приятель вашего сына, тоже его растил. Магеннок знает об этом больше, чем все ученые и даже чем ваш отец. А между тем...

– Что – между тем?

– Между тем и ему захотелось испытать судьбу и проникнуть за пределы того, что человеку дано право знать.

– Что же он сделал?

– Захотел коснуться рукой – понимаете? – своею собственной рукой самой глубины мрака.

Он сам мне признался.

– И что же? – невольно оробев, спросила Вероника.

– А то, что пламя опалило ему руку. Он мне показывал, и я своими глазами видела страшный рубец, похожий на те, что остаются после операции рака. И он так мучился...

– Мучился?

– Да, так мучился, что в конце концов взял в левую руку топор и отрубил себе правую кисть.

Вероника обомлела: она внезапно вспомнила труп в Фауэте и, запинаясь, проговорила:

– Правую кисть? Вы говорите, Магеннок отрубил себе правую кисть?

– Ну да, топором. Это было дней десять назад, за день до моего отъезда. Я и лечила ему культю. А почему вы спрашиваете?

– Потому что у мертвеца-старика, которого я обнаружила в заброшенной хижине и который потом исчез, была свежая культя на правой руке, – встревоженно ответила Вероника.

Онорина вздрогнула. Ее обычное спокойствие сменилось испугом и тревогой. Она выкрикнула:

– Вы уверены? Хотя да, да, это он... Магеннок... Старик с длинными седыми волосами, да? И с бородой, которая расширяется книзу? Какой ужас!

Вдруг она смолкла и оглянулась, испугавшись, что говорила так громко. Осенив себя снова крестным знаменем, она медленно продолжила, словно обращаясь к себе самой:

– Он первый из тех, кому суждено было умереть. Он сам сказал мне об этом, а старый Магеннок умел читать книгу будущего так же хорошо, как и книгу прошлого. Он ясно видел

то, чего другие не различали. «Первой жертвой стану я, госпожа Онорина. А когда исчезнет слуга, через несколько дней придет черед хозяина».

– А его хозяин – это?.. – тихо спросила Вероника.

Онорина выпрямилась и, гневно сжав кулаки, объявила:

– Я его защищу, спасу, ваш отец не будет второй жертвой! Нет, нет, я успею. Позвольте мне уехать.

– Мы отправимся вместе, – твердо отчеканила Вероника.

– Прошу вас, – взмолилась Онорина, – не упрямитесь! Предоставьте это мне, и нынче же вечером я привезу вам отца и сына.

– Но почему?

– Там слишком опасно для вашего отца, а для вас – тем более. Не забывайте о четырех крестах! Распятia будут поставлены именно на острове. Нет-нет, вам нельзя туда ехать. Этот остров проклят.

– Но мой сын?

– Вы увидите его сегодня, через несколько часов.

Вероника отрывисто рассмеялась:

– Через несколько часов! Что за вздор! Вот еще! У меня не было сына четырнадцать лет. Внезапно я узнаю, что он жив, а вы заявляете, что, прежде чем я его обниму, мне следует еще подождать. Ни часа больше! Я предпочитаю тысячу раз рискнуть жизнью, чем отдалять этот миг.

Онорина взглянула на Веронику и, поняв, что та полна непреборимой решимости, уступила. Она перекрестилась в третий раз и просто сказала:

– Да свершится воля Господня.

Женщины расположились среди пакетов и мешков, загромождавших и без того тесную лодку. Онорина запустила мотор, взялась за румпель и ловко повела суденышко между скалами и рифами, торчавшими из воды.

Глава третья

Сын Ворского

Вероника сидела у правого борта на ящике, лицом к Онорине, и улыбалась. Улыбка ее была еще беспокойная, нерешительная, слабая, точно первый луч солнца, пытающийся пробиться сквозь последние грозовые тучи, но все же счастливая.

Да, именно счастьем светилось ее прекрасное лицо, отмеченное печатью благородства и того своеобразного целомудрия, которое делает иных женщин, перенесших невероятные страдания или сохранившихся благодаря любви, серьезными и лишенными какого бы то ни было женского кокетства.

Ее черные с легкой проседью на висках волосы были собраны в большой узел низко на затылке. У нее была матовая кожа южанки и большие, очень светлые голубые глаза, однотонные, как бледное зимнее небо. Она была хорошо сложена, статна, с высокой грудью.

Ее музыкальный, глубокий голос стал летящим и радостным, когда она заговорила об отыскивавшемся сыне. А ни о чем другом она говорить не желала. Напрасно бретонка, пытаясь вернуться к мучившим ее загадкам, размышляла вслух:

– Понимаете, есть две вещи, которым я не могу найти объяснения. Кто оставил этот след, по которому вы добрались из Фауэта точно к тому месту, где я всегда причаливаю? Это заставляет думать, что кто-то из Фауэта побывал на острове Сарек. И с другой стороны, Магеннок покинул остров? Добровольно? Или оттуда забрали его труп? Если так, то каким образом это было сделано?

– Да стоит ли об этом думать? – возражала Вероника.

– Конечно стоит! Сами рассудите: на острове есть лишь моя лодка, на которой я каждые две недели отправляюсь за покупками в Бег-Мейль или Пон-л'Аббе, да две рыбачьих, на которых хозяева ходят выше по берегу до Одьерна, где обычно продают улов. Так как же мог Магеннок попасть на материк? Кроме того, быть может, он покончил с собой? Тогда почему его труп исчез?

Но Вероника упорствовала:

– Умоляю вас, сейчас это не важно. Все выяснится. Давайте побеседуем о Франсуа. Значит, говорите, он появился на Сареке?..

Наконец Онорина уступила просьбам молодой женщины:

– Он появился на Сареке через несколько дней после того, как его у вас похитили. Его принес бедняга Магеннок. Господин д'Эржемон научил Магеннока сказать, что какая-то неизвестная дама отдала ему дитя... затем старик вручил его своей дочери, чтобы та его кормила. Она потом умерла. Меня в то время еще не было на острове: я десять лет служила у одних парижан. Когда я вернулась, это был уже бойкий мальчонка, бегавший по пескам и скалам. Тогда я и поступила в услужение к вашему отцу, обосновавшемуся на Сареке. Когда дочь Магеннока умерла, мы взяли ребенка к себе.

– Но как его звали?

– Франсуа – просто Франсуа. Господин д'Эржемон велел называть себя «господин Антуан». Мальчишка называет его дедушкой.

– А какого он нрава? – с известным беспокойством осведомилась Вероника.

– Ну, в этом смысле мальчонка – истинное благословение Божье, – отозвалась Онорина. – Ни в отца, ни в деда, как признает сам господин д'Эржемон. Милый, ласковый, послушный ребенок. Никогда не злится, всегда добродушен. Этим-то он и покорила своего деда, и тот стал снова вспоминать о вас – настолько внук напоминал ему дочь, от которой он отрекся. «Просто

вылитая мать, – говорил он. – Вероника была такая же: нежная, ласковая, любящая». Ну вот он и стал вас разыскивать с моею помощью, так как мало-помалу поведал мне обо всем.

Вероника просияла. Сын похож на нее! Сын – хороший, веселый мальчик!

– Но он знает ли что-нибудь обо мне? – забеспокоилась она. – Знает хотя бы, что его мать жива?

– Знает ли он? Сначала господин д'Эржемон хотел хранить тайну, но я мальчику все рассказала.

– Все?

– Не совсем. Он считает, что его отца нет в живых и что, после того как он и господин д'Эржемон пропали без вести во время кораблекрушения, вы удалились в какой-то монастырь и вас никак не могут найти. А как он всякий раз ждет новостей, когда я возвращаюсь из поездки! Как надеется! Полноте, он очень любит свою мать! Все время напевает песенку, которую вы слышали от меня и которой научил его дед.

– Франсуа! Маленький мой Франсуа!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.